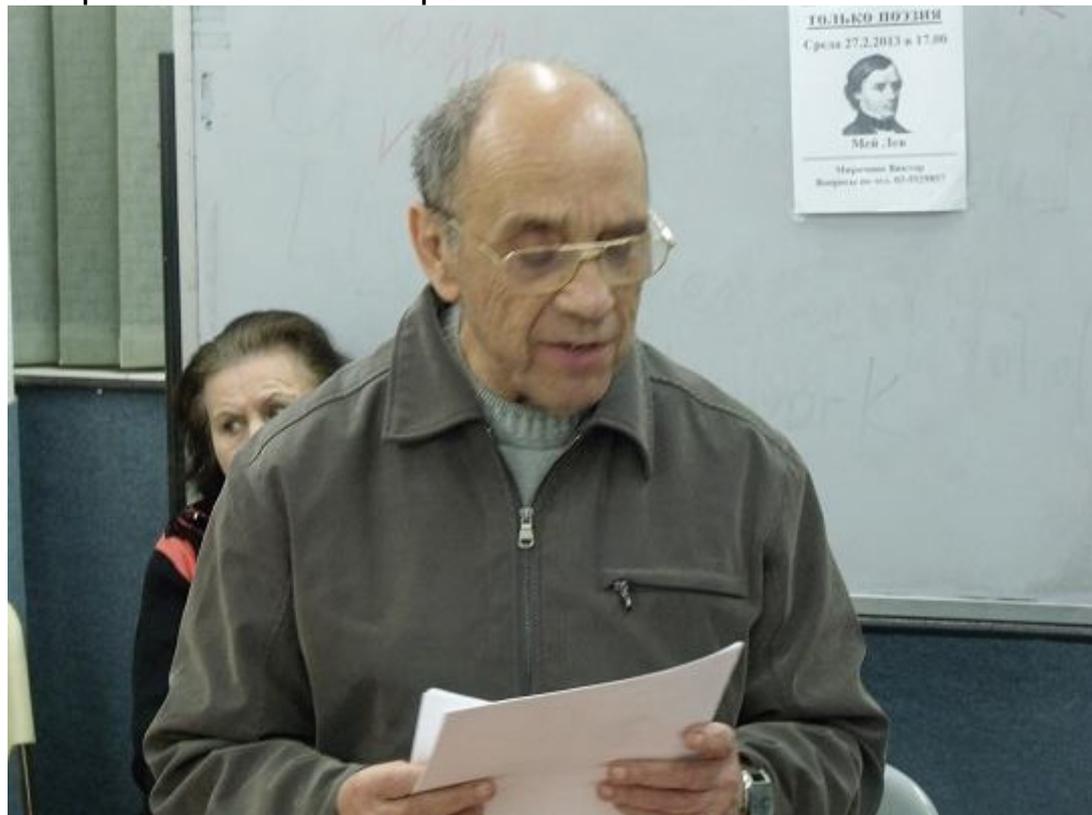

В клубе «Только стихия, только поэзия»

27 февраля 2013 года

Собрались в 401-ый раз!!!!

Прежде всего Мирочник Виктор выразил соболезнование по поводу кончины на прошлой неделе

Марка Рошбы.

Вечная ему память!!!!

Я от всего сердца поздравляю Вас с прошедшим праздником Пурим!

Я желаю Вам веселого и кошерного праздника.

Четыре заповеди установлены для каждого еврея в этот праздник. При этом две из них направлены на самого человека, а две – на его близких и окружающих.

Заповедь первая: каждый человек должен сам, лично, прочесть или прослушать чтение Свитка Мегилат Эстер. При этом прослушать внимательно, не отвлекаясь. Прослушать два раза – вечером, при наступлении праздника, и утром. При чтении Свитка нельзя пользоваться звукоусиливающей техникой, звук должен быть "живым". Лучше всего если, слушая чтение, вы одновременно читаете глазами. Вторая заповедь - это обильная трапеза. В Пурим вам не только разрешается, но и прямо предписывается порадовать себя за столом. Не

забывайте прочитать благословение перед и после еды, и, конечно же, подымите "Лехаим" за благополучную жизнь и процветание. Эта трапеза, устраиваемая в день Пурима, является не менее важной, чем другие заповеди праздника. Две другие заповеди направлены на то, чтобы не только почувствовать праздник самому, но и распространить радость Пурима. Первая из них предписывает послать вашим близким или друзьям съедобные подарки (как минимум одно блюдо и один напиток). Это могут быть фрукты или печенье, конфеты или другие лакомства – важно, чтобы этот подарок радовал. Чем больше людей получат от вас подарок в Пурим, – тем лучше. Принято посылать яства людям, которых вы лично знаете, с которыми знакомы. Заключительная заповедь праздника направлена на помощь бедным, даже если вы не знакомы с ними. В день Пурима нужно помочь как минимум двум нуждающимся, хотя еврейская традиция призывает не отказывать в Пурим никому, кто в этот день попросит вас о помощи. Размер помощи может быть не очень большим (мудрецами даже установлен минимум: на эту сумму должно быть возможно купить 170 грамм еды). Каждый, кто просит, пусть получит, и пусть ваша помощь будет щедрой, ведь она приносит пользу не только тому, кто получает, но и тому, кто дает. Многие другие привычные нам атрибуты праздника – трещетки, карнавальные костюмы, треугольные булочки с маком – пусть тоже нас радуют. Но главное в Пурим – выполнить четыре его заповеди. И радость праздника будет и в вас, и в окружающем мире, и жребий наш будет добрым и удача будет сопутствовать.

Пурим

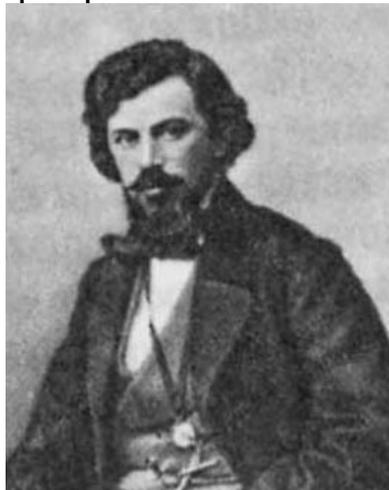
Фрида Дроздова

ПУРИМ (от ивритского ПУР-жребий) празднуется 14 числа месяца адар по еврейскому лунному календарю (в 2010 году это будет 28 февраля) в память о чудесном спасении евреев от первой попытки геноцида во время правления царя Ахашвероша.

ПурИма карнавал – какой весёлый мир,
Всё в хороводе времени кружится.
И снова царь персидский* даёт пир,

То смотр невест, он вновь решил жениться.
Еврейского народа дочь – Эстер,
Становится персидскою царицей.
Покорной, ласковой – какой для жён пример!
Её царь любит и ею он гордится.
Но нет покоя злобному Аману**:
Не кланяется гордый Мордехай***.
И царь поддался гнусному обману
Амана просьбе уступил: "Приказ евреев уничтожить
дай!"
И вот Эстер, по просьбе Мордехая,
Идёт к царю, рискуя головой****.
Открыть ему, что и она – такая,
Развеять ложь Амана, чтоб спасти народ свой.
Народ три дня постился и молился,
Прося у Б-га помощи, защиты.
И Б-г помог Эстер – Аман доверия царя лишился.
Евреи спасены и не убиты.
Пусть пьют вино и веселятся все евреи,
Уроки ПУрима попутно постигая:
У Б-га помощи просить умея,
Сам делай всё, что можешь, свой народ спасая!
*-Ахашверош
**-Главный визирь и советник Ахашвероша
***-дядя Эстер
****-жена не могла войти к царю без его вызова, за
эту дерзость её могли казнить

Виктор Мирочник напомнил о дне рождения 22
февраля Алексея Жемчужникова

Назовите имя Козьмы Пруткова, и многие вспомнят
пару знаменитых афоризмов, например: "Никто не
обнимет необъятного" или "Если хочешь быть
счастливым, будь им"... "Сочинения" Пруткова
переиздаются на протяжении уже ста лет. О Козьме

много написано. Не обойдены вниманием и литераторы, предпринявшие уникальную мистификацию,- братья Алексей, Владимир и Александр Жемчужниковы и Алексей Константинович Толстой, приходившийся Жемчужниковым двоюродным братом по материнской линии. Но если крупный поэт, прозаик А. К. Толстой известен и сегодня достаточно широко, то имя второго значительного поэта из "компании Пруткова" - Алексея Михайловича Жемчужникова - знакомо ныне читателю лишь благодаря Козьме. А он был не только "капельмейстером", то есть руководителем оркестра, дирижером создателей сочинений Козьмы Пруткова. Более полувека, хотя и с перерывами, его стихи появлялись на страницах демократических и либеральных периодических изданий. Он не спешил выходить к читателю с книгою и сделал это лишь на 71-м году жизни. Правда, это был двухтомник, сразу заставивший говорить о его самобытной и многоголосой музе.

ПОЧЕМУ?

С тех пор как мир живет и страждет человек

Под игом зла и заблужденья,-

В стремлении к добру и к правде каждый век

Нам бросил слово утешенья.

Умом уж не один разоблачен кумир;

Но мысль трудиться не устала,

И рвется из оков обмана пленный мир,

Прося у жизни идеала...

Но почему ж досель и сердцу, и уму

Так оскорбительно, так тесно?

Так много льется слез и крови? Почему?

Так всё запугано, что честно?

О, слово первое из всех разумных слов!

Оно, звуча неумолимо,

Срывает с истины обманчивый покров

И в жизни не проходит мимо.

Да! почему: и смерть, и жизнь, и мы, и свет,

И всё, что радует и мучит?

Хотя бы мы пока и вызвали ответ,

Который знанью не научит,-

Всё будем требовать ответа: почему?

И снова требовать, и снова...

Как ночью молния прорезывает тьму,

Так светит в жизни это слово.

1857

Виктор Мирочник рассказал о поэте:

Мей Лев (25.2.1827 – 28.5.1862)

В восприятии современников Мей был "последним русским поэтом", своего рода русским Шиллером - беззаботным идеалистом, верующим в добро и красоту, человеком богемы и бессребреником, истинным смыслом жизни которого была лишь поэзия.

* * *

Не верю, Господи, чтоб Ты меня забыл,
Не верю, Господи, чтоб Ты меня отринул:
Я Твой талант в душе лукаво не зарыл,
И хищный тать его из недр моих не вынул.
Нет! в лоне у Тебя, художника-творца,
Почиет Красота и ныне, и от века,
И Ты простишь грехи раба и человека
За песни Красоте свободного певца.

<1857>

Так писал Мей в одном из наиболее исповедальных стихотворений. Детство Льва Александровича Мея прошло в Москве, в доме его бабушки А. С. Шлыковой в Хамовниках. Патриархальный уклад дома Мей впоследствии опишет в очерках "Кирилыч", "Софья", "На паперти", а народные верования, усвоенные с детства, найдут отражение в его поэзии, питавшей особое пристрастие к демонологии. В 1831 году Мей поступил в Московский дворянский институт, а в 1836-м "за выдающиеся способности" его перевели в Царскосельский лицей, где живы еще были предания о первом, пушкинском выпуске. "Пробки взлетевшей, Влаги вскипевшей Сладостен звук; Сок

золотистый Для лицеиста Лучше наук", - писал восемнадцатилетний Мей вполне в духе пушкинских "Пирующих студентов", сопровождая, впрочем, свою поэтическую декларацию невымысленными пирами и поездками на тройках в Петербург. Не без оглядки на Пушкина пишет Мей и свой первый крупный поэтический опыт - "Царскосельское воспоминание", и лицейский выпуск 1841 года объявляет его "своим Пушкиным".

Вернувшись после окончания Лицея в Москву, Мей определяется на службу в канцелярию московского генерал-губернатора, приобретает обширные светские знакомства, становится постоянным посетителем литературных суббот Е. П. Ростопчиной. Изучает богословие и древнерусские летописи. В ситуации накалившейся борьбы между славянофилами и западниками Мей не занимает воинствующей позиции, хотя и входит вместе с А. Н. Островским и Ап. Григорьевым в состав "молодой редакции" славянофильского журнала "Москвитянин". Дружеские отношения связывают его с Григорьевым, чьи цыганские пристрастия явно сказались в одном из лучших стихотворений Мей - "Полежаевской фараонке".

ПОЛЕЖАЕВСКОЙ ФАРАОНКЕ

Ох, не лги ты, не лги,
Даром глазок не жги,
Вороватая!
Лучше спой про свое
Про девичье житье
Распроклятое:
Как в зеленом саду
Соловей, на беду,
Разыстомную
Песню пел-распевал -
С милым спать не давал
Ночку темную...

27 января 1859

К концу 40 - началу 50-х годов Мей становится заметной фигурой в московском литературном мире. Драмы "Царская невеста" и "Псковитянка", явившиеся в пору упадка исторической драмы, создают ему репутацию единственного современного исторического драматурга. После женитьбы в 1850 году на С. Г. Полянской (их исполненный драматизма роман продолжался почти десять лет) Мей уже в

собственном доме открывает литературно-артистический салон, пользовавшийся большим успехом. В 1852 году Меи, собравшись переехать в Одессу по соображениям материального характера, едут на короткое время в Петербург и волею судеб остаются там навсегда. В Петербурге Мей отказывается от чиновничьей службы и живет исключительно литературным заработком. При этом и здесь не оставляет хлебосольных московских обычаев и существует между роскошью и нищетой. Порой не хватает денег даже на свечи и дрова. Настроения этого периода отражены в стихотворении "О Господи, пошли долготерпенье..." .

* * *

О Господи, пошли долготерпенье!
Ночь целую сию я напролет,
Неволю мысль цензуре в угожденье,
Неволю дух - напрасно! Не сойдет
Ко мне твое святое вдохновенье.
Нет, на кого житейская нужда
Тяжелые вериги наложила,
Тот - вечный раб поденного труда,
И творчества живительная сила
Ему в удел не дастся никогда.
Но, Господи, ты первенцев природы
Людьми, а не рабами создавал.
Завет любви, и братства, и свободы
Ты в их душе бессмертной начертал,
А Твой завет нарушен в род и роды.
Суди же тех всеправедным судом,
Кто губит мысль людскую без возврата,
Кощунствует над сердцем и умом -
И ближнего, и кровного, и брата
Признал своим бессмысленным рабом.

1855 (?)

Начинается и его дружба с графом Г. А. Кушелевым-Безбородко, меценатом, литератором и известным прожигателем жизни, ставшая для Мея в определенном смысле роковой. Постоянные пиры в доме Кушелева, вино, болезнь, срочная работа заполняют последние годы Мея. И в сорок лет он умирает от паралича легких. Современная Мею критика относилась к художественной школе Пушкина, ставившей задачи искусства выше тревог современности. Но и среди так называемых поэтов

"чистого искусства" поколения 40-х годов Мей занимал особое место. Менее всего он был чистым лириком (в отличие, например, от Фета). Эпический поэт по натуре, Мей даже в небольших по объему стихотворениях тяготел к сюжетности и повествовательности (например, "Баркаролла", которая, несмотря на малый объем, представляет собой законченную новеллу).

БАРКАРОЛА

Стихнул говор карнавала,
На поля роса упала,
Месяц землю серебрит,
Все спокойно, море спит.
Волны нянчают гондолу...
"Спой, синьора, баркаролу!
Маску черную долой,
Обойми меня и пой!.."
"Нет, синьор, не скину маски,
Не до песен, не до ласки:
Мне зловещий снился сон,
Тяготит мне сердце он".
"Сон приснился, что ж такое?
Снам не верь ты, все пустое;
Вот гитара, не тоскуй,
Спой, сыграй и поцелуй!.."
"Нет, синьор, не до гитары:
Снилось мне, что муж мой старый
Ночью тихо с ложа встал,
Тихо вышел на канал,
Завернул стилет свой в полу
И в закрытую гондолу -
Вон, как эта, там вдали -
Шесть немых гребцов вошли..."
<1850>

Из собственно лирических стихов наиболее значительным так и остался цикл 1844 года, посвященный будущей жене. В остальном же современная жизнь мало вдохновляла его. Обладая даром перевоплощения, Мей искал источники вдохновения в ином: в культуре, в истории - античной, европейской, русской. К древнерусскому фольклору и летописным преданиям Мей обратился одновременно и как поэт, и как филолог. Его блестящее знание быта и нравов Древней Руси, напряженный интерес к вопросам народности и

проблеме воссоздания национального характера предопределили весьма своеобразный характер стилизаций на историческую тему. Среди них "Вечевой колокол", "Песня про княгиню Ульяну Андреевну Вяземскую", "Песня про боярина Евпатия Коловрата", снабженные подробнейшим историческим комментарием (в начале 60-х годов представление о доблестном русском национальном характере осложнилось у Мея еще и религиозной мотивировкой, а богатырство было осмыслено как поборничество православной веры). Особое место в "русском цикле" Мея заняли песни и народные предания ("Хозяин", "Русалка", "Оборотень", "Леший" и др.), в которых народная жизнь выразилась во всей ее наивности и патриархальности, но вместе с тем носила некий "археологический" колорит, на что обратила внимание критика. При этом фольклорная основа стиха у Мея органично сочеталась с характерным для него романсным, мелодраматическим началом.

Тамара Сологуб –Кримонт рассказала, что получила письмо от ведущей Творческого вечера в Ташкенте поэта **Светланы Клокотовой** стихи об Израиле и прочла их нашим членам клуба.

Целую небо над Вами!

О, небо Израиля! Синее небо!
Цвет глаз твоих вечных детей на земле
Я вижу везде, даже там, где я не был:
В Нью-Йорке, в Афинах, и в древнем Кремле.
Курчавых волос – шёлк руна золотого,
Оливковый взгляд, или взгляд синих глаз.
И в городе каждом, где есть синагога,

Мой ребе читает молитву за нас.
И в старом местечке, и в новом Шанхае,
И в Азии пыльной, сожженной жарой,
Израиля небо над нами, над нами,
Израиля небо всегда надо мной!
Затем ознакомила со статьей, в которой
рассказывается, как прошел в Ташкенте Вечер «Мы
любим ваши имена»

В этот раз он была посвящен двум талантливым
поэтам, чья творческая судьба была связана с
узбекской столицей: Тамаре Сологуб-Кримонт и
Эрнсту Усманову (1934-2010).

Ведущая программы поэт Светлана Клокотова и
участники вечера -заведующая «Русской гостиной»
М.Н. Теперина, филолог Т.И. Васильева, чтец-
декламатор Ирина Парамонова, поэты Олег
Бордовский и Владимир Ременов, композиторы и
исполнители Клуба авторской песни и поэзии «Арча»
Геннадий Арефьев и ЗауриОспанова, а также вдова
поэта Римма Александровна Усманова, друзья Т.
Сологуб и Э. Усманова смогли донести до публики
духовную составляющую «бега современности»,
объединившую творческие искания двух некогда
знакомых, но совершенно, по своему мироощущению
различных мастеров художественного слова. В своё
время Т. Сологуб посвятила своему собрату по
поэтическому цеху стихотворение: «Меня семь дней
искали».

Тамара Сологуб – Кримонт прочла также свои стихи:

ШУТОЧНАЯ песня - К ПУРИМШПИЛЮ

(нетрадиционная версия)

"Тогда Дарий дал повеление : "

И от меня

даётся повеление о том, чем

вы должны

содействовать старейшинам

тем Иудейским

в построении Дома Божия..." "

(Библия.Эзра.гл. 6 - 8)

1. Персидский царь Ахашверош,
который правил в Сузах,-
в плечах - широк, собой хорош,
а вот умишком - узок.
В пирах, забросил он дела,

державные заботы...
Ну, как, Эстэр, ты с ним жила,
и как блюла субботы?
Припев: Эстэр, я помню этот день и год
как будто было это всё не в прошлом,
Ах, как же ты могла любить его,
Ах, нехорошего -
Ахашвероша?
Царь был богат и не урод,
но все же, извините,
чуть не сгубил он твой народ -
супруг твой, повелитель.
А ты - скромна, умна, нежна,
прекрасная еврейка,
скажи, кому была нужна
такая вот семейка?

Припев тот же.

Звенят зазывно тахшитим,
миро благоухает,
не зря к царю Эстэр спешит,
послушна Мордехаю:
так Б-г хотел! Не зря же вам
наследник был подарен,
тот, кто велел построить Храм:
еврей персидский - ДАРИЙ.

ОТКРОВЕНИЯ АМАНА

(песня к пуримшпилю)

Вашти, лунолика,
все! тебе конец!
Отдавай, великая,
царский свой венец
Я - Аман, я - с ласками,
я и так и сяк,
ты ж ко мне - с опаскою,
словно я - дурак!
Я к тебе - с симпатией,
ты мне - в спину нож?!
Всю эмансипацию -
вытравлю, как вошь!
Навуходоносору
внучка ты? Так что ж!
Ведь к царю с доносами
Я по-свойски вхож!

Амалеки оба мы:
я и ты. И пусть!
С бабьими апломбами
на смерть я борюсь,
бабья независимость -
это ж просто смех!
Видишь, сколько виселиц?
Хватит их на всех.
Вам Аман не нравится!?
Но имей в виду,
Я вас всех, красавица,
напрочь изведу!
Царь - пентюх, ты - гордая,
в этом мой успех:
не пройдет и года, я
уничтожу всех!....
Послесловие: Ах, как я ошибся, как ошибся...

Константин Баскович прочёл из книги из книги Юрия Казарина о писателях и свои стихи
Райнер Мария Рильке:(из книги Юрия Казарина)
Сколь не протяжённо внешнее, ему, со всеми его межзвёздными расстояниями, не выдержать сравнения с измерениями, с глубинными измерениями нашей внутренней жизни, которая не нуждается даже во вместительности Вселенной, чтобы в себе самой быть почти необозримой. Если, стало быть, умершие, если, стало быть, нерождённые нуждаются в каком-нибудь приюте, - какое убежище могло бы быть для них приятней и естественней, чем это воображаемое пространство? Во мне всё больше крепнет представление, что наше обыденное сознание обитает на вершине пирамиды, основание которое в нас(и в известной мере под нами) столь широко, что чем глубже мы способны к нему спустится, тем более общезначимо

причастными оказываемся к независящим от времени и пространства данностям земного, в широчайшем смысле слова мирового настоящего.

Баскович К.

поссибиле оп.27 "вариант алхимии"

из чёрных полос растут белые,
голос перерастает связки,
речь повисает над городом,
волны шутят со мглой,
тени прячутся беглые,
за стенами что безгласны,
и стало больше лишь поводом
быть тебе не со мной
Шаг замедляет вечер,
утро бежит бессонное,
в птичьих сердца без голоса,
в божьи глаза без глосс.
Есть тишина, как кречет!
Опасна, внезапна, молится,
режет небо огромное,
вольным полётом в плёс.

Заборцев Альберт прочёл ряд смешных фраз:

«-Поцелуй у меня в знак перемирия.

-А где он у тебя?»

«Лучше раз в неделю думать о женитьбе (замужестве), чем раз в неделю о разводе»

«Марина никогда не простила бы Серёже его очередную измену, но всё испортила новая норковая шуба»

«У женщины есть либо прошлое, либо будет будущее...»

Леонид Манпель прочёл свой рассказ «Мозаика жизни» - Справедливость.

Аркадий Мильгром исполнил песню «Мама, милая мама» - слова и музыка Аркадия Мильгрома